
А. Ю. АПАЕВА

ЗВОН ТИШИ РАЗЛИЧИЯ КАК СОБЫТИЕ ЯЗЫКА У МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

В статье рассматриваются хайдеггеровские герменевтические толкования поэтической природы языка. Для понимания языка М. Хайдеггер предлагает войти в пространство его простирающегося зова, ибо он создает особое пространство искусства, в котором, не отрываясь от своего исходного положения в мире, собираются призываемые вещи. Приближая в зове вещи к месту пребывания человека, язык собирает сам мир, который пребывает в этих вещах. Язык сбывается как звон тиши различия мира и вещи. Хайдеггер выстраивает топологическую картину мира. Поэзия – это рисунок, образовавшийся в результате взаимодействий различий мира.

Ключевые слова: язык, поэзия, звон, тишина, пространство искусства, четверица.

В 50-е гг. XX в. М. Хайдеггер пишет ряд работ, посвященных языку. В данной статье предметом особого внимания станет его работа «Язык», которая первоначально была текстом лекции, прочитанной им в 1950 г. В данной работе Хайдеггер начинает свой герменевтический путь в поисках языка с толкования общепринятого суждения, согласно которому язык является естественной вещью для человека. «Мы говорим, – пишет Хайдеггер, – потому что говорить является естественным для нас»¹. Способность к говорению – уникальный дар божественной природы, ни одно другое существо на Земле не наделено такой способностью. Благодаря языку человек только и может состояться как человек.

Но далее Хайдеггер предполагает, что скорее язык владеет человеком, а не человек владеет языком. Поэтому, на взгляд философа, язык может быть рассмотрен сам по себе, в максимальном от-

¹ Heidegger M. Gesamtausgabe. – Bd. 12. – Frankfurt am Main, 1985. – S. 11.

странении от человека. Мы должны оказаться «около языка, то есть в присутствии его речения» (*in ihrem Sprechen*)². Мы должны собраться при его событии. Событие языка – речение, которое может быть записано и станет предметом исследования. Но любой письменный текст не есть сам язык, а лишь память о случившемся в определенном месте и в определенное время события языка.

Рассматривая поэтическое произведение, Хайдеггер предлагает оживить сокрытый в нем язык, ибо поэзия является тем местом, в котором язык наиболее полно, без искажений предстает в своем исконном облике, а именно – в облике сказания о мире как сложной взаимосвязи всех вещей. В качестве образца поэзии Хайдеггер выбирает стихотворение Г. Тракля «Зимний вечер». Данное стихотворение – образец чистой поэзии: в нем личность автора скрыта, но открывается за видимым миром тот подлинный мир, в котором только и может поэтически жить человек.

В работе «Положение об основании» Хайдеггер пишет, что чем «значительней мыслительный труд (*das Denkwerk*) какого-либо мыслителя, который отнюдь не совпадает с объемом и числом его работ, тем полнее в нем представлено немислимое (*Ungedachte*) как то, что впервые и единственно выступает благодаря этому мыслительному труду как еще-не-мыслимое (*das Noch-nicht-Gedachte*)»³. Это немислимое есть то, что всегда превосходит конкретно сказанное. Этим немислимым является подлинный мир.

Язык взывает к сокровенной природе мира, в котором правит различие. Язык говорит о различиях, не представляя и сам из себя некоего единства. В современном мире насчитывается более пяти тысяч языков. Язык – принадлежность того или иного народа, он пребывает в различных языках, во множестве собственных воплощений.

Язык, который говорит через Хайдеггера, – язык немецкого народа. Но через язык немецкого народа говорит другой язык, который Хайдеггер называет языком смертных. Человеческие языки многообразны, но язык смертных один. Последний Хайдеггер рассматривает в качестве единого основания для всех языков. И если есть некий единый язык, значит, есть и единый разум как основание различных образов мышления.

² Heidegger M. Op. cit. – S. 12.

³ Ibid. – Bd. 10. – S. 105.

Но покоится ли разум на языке, вопрошает Хайдеггер, или, составляя единое целое, они покоятся на другом общем для них основании? Язык для Хайдеггера скрыт в темноте. Темнота языка сравнивается им с бездной. И для того чтобы очутиться в области языка, необходимо окунуться в эту темноту ее беспредельного бытия. И мы не упадем в бездну, пишет Хайдеггер, но будем парить в ее беспредельном пространстве, пока будем пребывать при его речении. «Мы оказываемся на высоте (Hohe), которая открывает глубину (Tiefe)»⁴. Пребывая при речении языка, мы оказываемся в местности (Ortschaft), открываемой данным речением, «в которой мы хотим быть как дома, чтобы в ней найти и место для пребывания (Aufenthalt) сущности человека»⁵.

Язык – это дом, в котором живет человек. Высь мира (пути богов) и глубь земли (пути смертных) открываются в языке, ибо язык речет, глаголет – течет во времени, парит в пространстве. В поэзии бытие языка полновластно осуществляется, хранясь в его сокровытых просторах. «В сказанном речь не прекращается. В сказанном речь остается защищенной» (“Im Gesprochenen bleibt das Sprechen geborgen”)⁶, она в нем утаивается для собственного бытия, сосредотачивается, становится целостным единством.

Поэзия, раскрывая, хранит язык. Восстанавливая мир, она оберегает его в своих границах. В сказанном поэтом мы вновь можем пережить событие языка. М. Хайдеггер приводит стихотворение к состоянию несокрытости – к звучанию его истины. Стихотворение звучит, и в его зове собираются смертные и божественные вещи, в его зове собирается сам мир.

«Все искусство, – пишет Хайдеггер, – дающее пребывать истине сущего как такового – в своем существе есть поэзия»⁷. Язык собирается в творении искусства. В «слове объемном», слове-проекте, впервые проявляются контуры архитектурного ансамбля. В «слове тонком», слове-струне, впервые начинает звучать музыкальное произведение. В «слове красочном», слове-ландшафте, впервые запечатлевается природный пейзаж.

⁴ Heidegger M. Gesamtausgabe. – Bd. 12. – S. 13.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. – S. 16.

⁷ Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова. – М., 2008. – С. 203.

Стихотворение Г. Тракля «Зимний вечер» создано в прошлом. Теперь оно из прошлого настоящего приходит к настоящему настоящему читателя, для которого язык в стихотворении вновь пробуждается. Он пробуждается пробуждением вещей, которые он собирает в своем речении. «Снегопад и звон вечернего колокола здесь и теперь в стихотворении проговорены для нас. Они пребывают в зове (Ruf)»⁸. Стихотворение зовет своей мелодией в свое бытие, которое оно само и создает, призывая вещи мира и сам мир, покрывающий эти вещи, в близость, в единение друг с другом. Язык поэзии созывает в пространство близости, в близость к местопребыванию человека, внимающему его зову. Вслушиваясь в зов поэзии, мы вслушиваемся в звучание самого мира, который без языка пребывает в сокрытии тишины. Но в тишине, которая хранит, мир впервые и открывается.

Приближать что-либо – значит устанавливать с ним близкие доверительные отношения, снимать холод отчуждения дали. Зов бытия в языке происходит как таинство. Речение языка – это непрекращающееся движение, никогда не застывающий, но вечно пульсирующий, как сказал бы Анри Бергсон, творческий порыв. За открытием одной грани бытия всегда следует открытие другой. Бытие оказывается всегда глубже и сложнее наших первых впечатлений о нем. И не только поэт призывает бытие в пространство близости, само бытие зовет поэта погрузиться в него и дойти до его безосновного состояния, в котором он сможет его постигнуть.

В зове поэта названная вещь бытийствует двойным образом, как присутствующее вблизи и как сохраняющееся вдали, ибо «зов не вырывает одновременно призывающее (Gerufene) у далекого, у которого оно удерживается благодаря призыву (Hinrufen)»⁹. Вещи пребывают в пространстве самого зова. Хайдеггер открывает пространство искусства, которое не тождественно ни внешнему физическому пространству, ни внутреннему психологическому пространству. Оно пребывает между ними. И в этом пространстве «между» открывается истина языка как «звон тиши различия» (“das Gelaut der Stille des Unter-Schiedes”)¹⁰.

⁸ Heidegger M. Gesamtausgabe. – Bd. 12. – S. 21.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. – S. 31.

Мир многолик, он волит различными ликами – различиями. Различие есть мера, по которой вещь наличествует в мире. Мир состоит из разноликих вещей. Именованье – значит дать именуемому, согласно мере его самобытности, соответствующее определение. Определяя, мы даем вещи предел – указываем на средоточие и границы ее пребывания в мире. Любая вещь пребывает в различных связях мира. Различие – боль отчуждения от целостности мира, поэтому различие постоянно преодолевается взаимным проникновением вещей друг в друга. М. Хайдеггер пишет, что «вещи и мир не сосуществуют» независимо друг от друга, но «проникают друг в друга»¹¹. Во взаимном проникновении, во взаимном единении всех вещей раскрывается вещьность мира. Мир есть единящее различное. На отношении иного к иному покоится мир. Мир покоится – он тишит различием. Исток языка – мир в тишине различий. Звон тишины мира и есть язык.

Единение различных вещей в мире Хайдеггер называет душевностью или сердечностью. В этом сила мира, ибо в нем правит любовь – взаимное влечение всех разноликих вещей друг к другу, обусловленная их всеобщей вещьностью. Вещь вещей – средокрестие основных сил, пронизывающих мир. «Различие (Unter-Schied) содержит в себе середину одного и другого, благодаря чему мир и вещи единят друг друга»¹².

Само стихотворение построено таким образом, что в нем раскрывается природа различного, в котором пребывает мир. Стихотворение описывает два пространства, разделенных физической границей, границей стены, дверь в которой становится символом их единения. Но дверь в стихотворении затемняется другим более значимым символом – порогом. Порог становится олицетворением единения различного – он опосредует две области бытия человека: необжитого пространства мира и пространства, ставшего местом пребывания человека, которые в человеческой речи именуется как то, что снаружи, и то, что внутри.

Порог скован болью. Связь различного как разрыв некогда единого всегда боль. Поэтому олицетворение, придавая выразительность сказанному, обнажает и самое существенное. В боли разли-

¹¹ Heidegger M. Gesamtausgabe. – Bd. 12. – S. 24.

¹² Ibid. – S. 25.

чия пребывает мир. И именование различного есть тоже боль. Муки творчества знакомы каждому поэту. Противопоставление внутреннего и внешнего выражается и такой деталью, как свет. Хайдеггер указывает, что «третья строфа предлагает страннику из темного снаружи войти внутрь светлоты (die Helle)»¹³, где «сияют в чистом свете на столе хлеб и вино»¹⁴.

Стихотворение, с одной стороны, развертывает пространство, с другой стороны, оно его сжимает и показывает, что беспредельное и предельное едины. Они едины, ибо божественное пребывает как внутри, так и снаружи. («В золоте цветет дерево милостью из земли прохладного сока». «Тут сияют в чистом свете на столе хлеб и вино»¹⁵). Они едины, ибо и человеческое пребывает как внутри, так и снаружи. («У многих стол уже готов и дом в порядок приведен». «Кто-то странствовать уходит за ворота по темному пути»¹⁶.)

В стихотворении говорится о смертных, странствующих по темному пути, ибо мир не является надежным местом, в котором человек может самодовольно успокоиться. Поэт, говоря о блужданиях по темным тропам, метафорично намекает о скорбности человеческой жизни, которой отмерен довольно короткий срок на этой земле. Следующие строки:

В золоте цветет дерево милостью
Из земли прохладного сока
(Golden blüht der Baum der Gnadn
Aus der Erde kühlem Saft) –

зовут в древесный мир, который разверзается из земных глубин. Милостью земли, ее живительной влагой создается мир природы. Деревья золотятся, они светят цветом цветения. Они светonosны, ибо их блеском цветения раскрывается темная сущность земли, на которой пребывают смертные. Но в деревьях открывается и благодать неба, которая нисходит от богов.

В стихотворении Тракля «названные вещи собирают также позванные в зове небо (Himmel) и землю (Erde), смертных (die Sterbli-

¹³ Heidegger M. Gesamtausgabe. – Bd. 12. – S. 19.

¹⁴ Ibid. – S. 17.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

chen) и божеств (die Göttlichen)»¹⁷. В «этом собирающем позволении к пребыванию» (“versammelnde Verweilenlassen”)¹⁸ отражается творческая сущность языка как сказа или творения мира как вещи вещей. Вещи составляют мир, мир же входит в каждую вещь как ее внутреннее целое, благодаря которому каждая вещь пребывает в мире и принадлежит ему. В языке как произведении искусства каждая конкретная вещь, раскрываясь в пределах собственного пространства и в пространствах столкновения или единения с другими вещами, отсылает к всеобщим вещам – к абсолютному и относительному, к вечному и временному, к покою и движению и т. д.

Мир, как пишет Хайдеггер в работе «Вещь», есть событие зеркальной игры четверицы. «Земля и небо, божественные и смертные взаимно принадлежат друг другу в единственности простой четверицы (Geviert). Каждая из четырех отражает в себе, как в зеркале, сущность другой, ей противоположной»¹⁹. Четверица, в которой отражается мир как различение и единение смертных и божественных, небесных и земных вещей, отражается в языке. Язык сбывается как звон тиши различия вещей, пребывающих во всеобщих связях мира.

Сущность языка, в котором вырисовывается сама четверица, – это росчерк или рисунок, на котором запечатлелась игра четверицы. Хайдеггер пишет в работе «Путь к языку», что «единство языковой сущности открывается как контур или набросок (Aufriß)»²⁰. Значение слова «разрыв (Riß) близко слову царапать (ritzen)»²¹. Но Хайдеггер берет это слово не в наиболее употребительном значении, к примеру, «трещины на стене»²², но в менее употребляемом, например борозды в поле. Вспаханное поле – это распаханная земля, усеянная бороздами. Борозды – линии разрезов земли, в которые сеют семена. Благодаря бороздам, линиям разрывов, земля открывается для роста и цветения, для дел мира.

Благодаря языку как наброску раскрывается молчание мира. «Борозды» или разрывы языка – это те пространства истины, в ко-

¹⁷ Heidegger M. Gesamtausgabe. – Bd. 12. – S. 22.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. – Bd. 7. – S. 172.

²⁰ Ibid. – Bd. 12. – S. 252.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

торых благодаря речению смертных высвечивается мир. Росчерк или набросок как сущность языка – это «структура как знак в пространстве речения, соединяющая говорящих и их речи, изреченное и неизреченное в этом речении»²³.

В языке как «в искусстве уст говорят различные ландшафты (die Landschaft), то есть земля (die Erde)»²⁴. Уста для Хайдеггера не просто орган тела, через уста вздымается земля. Мы пробуждаемся пробуждением земли. «Язык есть цветение уст» (die Blume des Mundes). «В нем навстречу небу расцветает земля»²⁵. Поэтому язык не просто мимесис как подражание цветущему или увядающему миру, волящему различными ликами и различными происходящими событиями. Язык – поэсис (техне). Он раскрывает мир таким образом, что в нем открывается та самая потаенная земля, которая постоянно входит в мир, чтобы составить его сущность, оставаясь при этом самой собой. Но вхождение в мир земли возможно только при встречном движении мира к земле. В единении и взаимном проникновении двух противоположенных сил вырисовывается обрис, ставящий предел их единению.

Обрис как обрисовка различия в единстве близости и есть язык, ибо язык движется по линиям сгибов, в которых вырисовываются различия, образованные взаимодействием земли и мира как фундаментальных сил. Но полная картина образования различий складывается при рассмотрении всей структуры четверицы, в которую помимо земли и мира, как уже было сказано, входит и такая парная противоположность, как смертные и божественные, которые в стихотворении Тракля «Зимний вечер» открываются во взаимном единении, прежде всего благодаря звону вечернего колокола и одинокой жизни странников. «Собирающе-разворачивающее движение» (“versammelnd-entfaltende Bewegtheit”) есть «событие языка» (Sprachereignis)²⁶. Язык высвечивает бытие, событие языка – это собирающее выдвигание в свет мира скрытой сущности земли, ибо язык есть отражение спора земли и мира как спора выдвигания

²³ Heidegger M. Gesamtausgabe. – Bd. 12. – S. 252.

²⁴ Ibid. – S. 205.

²⁵ Ibid. – S. 206.

²⁶ Yoneda Michiko. Gespräch und Dichtung. Ein Auseinandersetzungsversuch der Sprachauffassung Heideggers mit einern japanischen Sagen. – Frankfurt am Main; Bern; New York, 1984. – S. 3.

и затворения истины бытия. В озаряющем пространстве языка только и возможно свечение бытия.

Поскольку движется мир, а движение мира происходит как постоянная игра различий, соединяющихся, разъединяющихся и перетекающих друг в друга, постольку может совершаться событие языка. Речение бытия в языке может быть идеальным, если оно проникает в полноту пребывания бытия, а может быть ложным, если оно значительно отстоит от бытия и не может охватить всех сил, которые разворачиваются и собираются в нем. Поэтому М. Хайдеггер отделяет болтовню, которая воспроизводит пустоту, от подлинного речения, которое разворачивается на языке поэзии, философии, искусства.